

*Е. В. Кузьмин**

**К ВОПРОСУ О ЕВРЕЙСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
В НАСЛЕДИИ ЛЬВА ШЕСТОВА (1866–1938):
ИСТОЧНИК ОДНОЙ ФРАЗЫ В «АПОФЕОЗЕ
БЕСПОЧВЕННОСТИ»**

Лев Исаакович Шестов родился в богатой иудейской, традиционно верующей еврейской семье, но воспринявшей русскую культуру. И хотя такое сочетание было широко распространено в его время и являлось вполне гармоничным, оно не давало покоя исследователям творчества философа. Сознательный выбор Шестов сделал в пользу русской литературы и мировой интеллектуальной традиции. Попытки исследователей отыскать у этого мыслителя формальные следы иудейской традиции не дали никаких результатов. По этой причине превалируют бездоказательные рассуждения о «еврейском духе». В данной статье приводится история подобных изысканий и указывается, что влияние иудаизма в наследии Шестова все же можно обнаружить. Одна из фраз в «Апофеозе беспочвенности» является воспроизведением утверждения, часто встречающегося в еврейской религиозной литературе. Шестов мог слышать фразу в детстве и забыть о ее источнике.

Ключевые слова: Лев Шестов, русская философия, еврейская философия, национальная и мировая культура, иудаизм, мидраш.

E. V. Kuzmin

*CONCERNING THE JEWISH ELEMENTS IN LEV SHESTOV'S HERITAGE (1866–1938):
THE SOURCE OF A PHRASE IN APOTHEOSIS OF GROUNDLESSNESS*

Lev Shestov was born into a wealthy, assimilated Jewish family. Nevertheless, his parents were strong adherents of Orthodox Judaism. This was not unusual for Jews in the large cities of the Russian Empire of that period. However, growing up within these two narrowly defined cultures stirred up scholars' interest in this issue. Shestov himself worked within the framework of Russian literal and cosmopolitan philosophical traditions. The attempts to

* Кузьмин Евгений Валерьевич, доктор философских наук, работник архива при мемориале Яд Вашем, Иерусалим; yevgeni_kuzmin@yadvashem.org.il, eugeniuskuzminus@gmail.com

uncover definite examples of Jewish impact on his works have failed. Studies of the problem deal with entirely theoretical speculations on an imaginary Judaism, the so-called *Jewish spirit*. This article briefly describes the history of the research. In the aftermath, it shows that Shestov was unconsciously inspired by the culture of his childhood, namely Judaism. At least, in his *Apotheosis of Groundlessness*, Shestov applies a widely known expression that appears in Jewish religious texts.

Keywords: Lev Shestov, Russian philosophy, Jewish philosophy, national and international cultures, Judaism, Midrash.

Вопрос о еврейской или иудейской составляющей в трудах Льва (Иегуда Лейб) Исааковича Шестова (настоящая фамилия Шварцман) прежде неоднократно привлекал внимание исследователей. Это вполне понятно и легко объяснимо. Шестов родился в еврейской семье, в детстве учил иврит, который довольно скоро позабыл, посетил с лекциями Палестину в 1936 г., приятельствовал с философами, позиционировавшими себя как еврейские, например с Мартином Бубером (1878–1965), а по просьбе отца (Исаак Моисеевич Шварцман, 1832–1914) даже принимал участие во Втором Сионистском конгрессе в Базеле в 1898 г. [2, т. 1, с. 5] и т. д. На годы его жизни пришлись страшные погромы в Российской империи, успехи фашистов и нацистов в Европе, появление на карте и формирование новых государств, основанных на идее этнокультурной общности. Иными словами, то была эпоха, когда национальная проблематика оказалась исключительно важной. Однако Шестов был вполне интегрирован в русскую культуру и в целом старался избегать обсуждений национального вопроса.

В свете вышесказанного понятно, сколь важен вопрос о том, насколько философ мог и хотел дистанцироваться от столь популярной и актуальной тогда национальной проблематики. Кроме того, труды Шестова воспринимались, истолковывались и оказывали влияние в мире, где дискуссии о национальном осознавались как основополагающие.

Цель этой статьи более чем скромна — указать на возможный источник одной фразы у Шестова. Однако, учитывая еврейский контекст фразы, нельзя просто сосредоточиться на ней. Следует ввести читателя в курс дела и коротко рассказать про спор о еврейском у Шестова. Но и задача представить полную историю изучения вопроса не ставится, так как она достойна отдельного исследования. Эти соображения обуславливают выбор среднего пути — введение в проблему, общее описание ситуации и перечень некоторых важных этапов в истории изучения вопроса. Важность определяется в первую очередь субъективно подмеченной популярностью, частотой цитирования.

Еврейскую составляющую в текстах философа активно обсуждали уже при его жизни. Шестов и еврейство — центральный мотив в воспоминаниях о нем философа, писателя, критика, переводчика и общественного деятеля Аарона Захаровича Штейнберга (1891–1975) [18, с. 217–265; 19, с. 230–273]. Здесь всюду (есть два издания воспоминаний, который вышли под разными заголовками, поэтому мы даем две ссылки), впрочем, подчеркивается неоднозначность, сложность личности философа. Например: «Мог ли я тогда подумать, что и полвека спустя я все еще буду искать подходящую формулу для этого причудливого русско-еврейского силуэта» [18, с. 224; 19, с. 236]. И хотя в воспоминаниях

специально не анализируются тексты Шестова, Штейнберг описывает то, что происходит за кулисами, вне опубликованных работ: личные беседы, семейные отношения. В фокус попадают и частные разговоры о еврействе Шестова таких русских литераторов, как Лев Николаевич Толстой (1828–1920), Александр Александрович Блок (1880–1921), Николай Александрович Бердяев (1874–1948), Разумник Васильевич Иванова-Разумник (1878–1946), Лев Платонович Карсавин (1882–1952). Таким образом, воспоминания Штейнберга ставят вопрос о русской и еврейской составляющих в личности Шестова и восприятии его образа другими. При этом речь идет именно о личности, а не о творчестве.

Но философия мыслителя выражена в первую очередь в его текстах. И дискуссия велась больше вокруг трудов философа. Религиозный иудейский мыслитель Гилель Цейтлин (1871–1942) посвятил две статьи на иврите в журналах «га-Меорер» (1907) и «га-Ткуфа» (1923) разбору религиозных воззрений Шестова (обстоятельное обсуждение см.: [21, р. 122–128]). Недавно на русском языке вышел сборник трудов Цейтлина, но, к сожалению, тексты о Шестове не вошли в его состав [1]. Иудейскую сущность философии Льва Исааковича особо выделял Бенжамен Фондан (1898–1944) [21, р. 143–156; 34, р. 36–37, 70–72, *passim*.]. Следует упомянуть и рецензию, которую написал Эммануэль Левинас на книгу «Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)». Здесь Кьеркегор Шестова толкуется как еврейский Кьеркегор. Но и отмечается, Шестов — еврейский философ, а не философ иудаизма. Для него нет разницы между Ветхим и Новым Заветами. Речь идет об обращении к Библии, о подчеркивании важной для еврея темы искупления [25, р. 139–141]. Один из наиболее активных последователей Шестова, искусствовед, историк, философ, основатель Консерваториона (музыкальная школа) в Холоне Евсей (Йегошуа) Давидович Шор (1891–1974) активно пропагандировал учение Льва Исааковича именно как еврейского мыслителя. Тема отношения Евсей Шора к Шестову уже подробно разрабатывалась на русском языке [7; 14]. Архив Е. Шора хранится в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме. Краткая биографическая справка о Евсее Шоре дана как примечание к его «Словам памяти о проф. Давиде Шоре», опубликованным вместе с воспоминаниями его отца [38, р. 142]. Однако такая интерпретация учения философа вызывала и активные возражения (см.: [7, с. 243–224, ср. с. 200]). Важность в оценке «еврейства» хорошо видна в книге Цви Арье Войславски (1889–1957) «Заложники систем (режимов): Очерки о личностях и их учениях». Специальный раздел целиком посвящен Льву Исааковичу. Шестов представлен здесь как образец полностью ассимилированного еврея, ставшего абсолютно, всецело русским писателем и философом [36, р. 87–103] (ср. [33, р. 121 и далее]). И почему нет? В конце концов, религиозный православный философ, богослов, современник Льва Исааковича, Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) полагал, что Шестов создал прочную базу именно для системы русской религиозной философии [6, т. 2, с. 320]. Конечно, соблазн назвать еврея-философа еврейским философом весьма велик безотносительно к анализу взглядов. Например, дипломная работа на соискание второй академической степени может вполне демонстрировать основное, устоявшееся движение мысли. В своей магистерской работе Яков Кохав-Лев выделяет целый раздел «Among the Jewish

Philosophers» [24, p. 52–61]. Автор даже не ставит вопрос о том, является ли Шестов еврейским философом, но сходу стремится определить место Шестова в еврейской философии. Впрочем, далее Яков Кохав-Лев приводит небольшой список фактов о контактах мыслителя с иудейской традицией.

Часто в книгах о Шестове анализируется или просто упоминается концепция Сидни Монас, но речь не идет о тщательном исследовании. Новое предисловие (т. е. ко второму изданию) Сидни Монас к книге с английскими переводами текстов Шестова «Penultimate Words and Other Essays» (1966) представляет философа мистиком (обстоятельно обсуждается в: [21, p. 11–12]). Сразу отметим, что предисловие к первому изданию написал Давид Герберт Лоуренс. В «Новом предисловии» к другому изданию текстов Шестова содержится указание на «дух хасидизма» у философа [29, p. VIII]. Хасидизм — направление в иудаизме, опирающееся на каббалу и возникшее в XVIII в. в Восточной Европе.

Также книга Бернарда Мартина с громким названием «Великие еврейские философы XX века» повествует лишь о трех мыслителях, один из них — Лев Шестов [26]. С ним соседствуют Франц Розенцвейг (1886–1929) и Мартин Бубер (1878–1965). В первой же строчке предисловия автор заявляет, что эта тройка непременно появится в любом серьезном списке основных еврейских религиозных философов XX в. Автор сосредоточил внимание на самих по себе взглядах Шестова, не пытаясь как-то особо обосновать их специфически еврейский характер.

Владимир Паперный в работе «Лев Шестов и русская культура» сделал следующий вывод: «Еврейские и русские (или, если угодно, русско-еврейские) компоненты сознания Шестова находились в состоянии недиалогического сосуществования, столь характерном для еврейско-русского культурного контекста в целом». При этом «всякую попытку связать концептуальное содержание философии Шестова с еврейской традицией следует, по-видимому, признать заранее обреченной. Тот материал, из которого Шестов возводил конструкцию своей философии, не включал никаких произведений еврейской мысли, кроме Библии», более того «философия Шестова свободна от непосредственных еврейских ассоциаций». Однако, по мнению Паперного, еврейское сохранялось в глубинной авторефлексии Шестова, в сфере психологического контакта с родным «родительским миром». Непосредственное выражение это находило в подходе к работе с текстом. Паперный считает, что Шестов привнес в русскую философию «дух мидраша» (мидраш — особое толкование Библии в еврейской традиции). Под этим «духом» в действительности подразумевается интерпретация текстов, превращение всего в нарративы, нацеленность на нарративы, «дорассказывание» рассказов, когда в истории вводятся новые элементы, метафоры и притчи, осмысление текста связано с осмыслением жизни, тексты разбиваются на «единичные высказывания». Если разобраться, то становится абсолютно очевидно — все эти признаки есть не только в мидрашах. Паперный утверждает, что «следов обращения Шестова к каким бы то ни было конкретным мидрашам нет» [13, с. 122–140].

Об иудаизме Шестова упоминал Брайан Горовиц. Есть у него статья, специально посвященная проблеме. Однако автор не ищет конкретных заимсткова-

ний, не обосновывает специально наличие влияния [22]. Сам факт рождения в еврейской семье и раннее еврейское образование кажутся достаточным аргументом. А уже наличие влияния иудаизма объясняет оригинальную позицию философа и его особую манеру рассуждения. Здесь важно, что в силу жизненных обстоятельств Шестов не мог всецело примкнуть ни к иудаизму, ни к православию.

Ю. Л. Халтурин, опираясь на идеи Карла Густава Юнга (1875–1961) довольно произвольно выводит «архетипы еврейской ментальности». Эти архетипы он обнаруживает в текстах Шестова [15].

Еврейская проблематика входит в число главных тем и в книге Михаэлы Виллеке [34]. Правда, здесь Шестов с самого начала объявлен еврейским философом. Это представлено как простой и очевидный факт, а не как нечто требующее особых доказательств. В реальности выясняется, что еврейство проявляется во множестве вещей, в происхождении, образовании, выбранной тематике, стилистике рассуждений (она говорит о мидраше вслед за Брайаном Горовицем и Владимиром Паперным), круге общения, в сходстве некоторых аспектов философии с учениями других еврейских мыслителей его времени. Но это все скорее отмечается вскользь, чем обстоятельно обосновывается, а во многих случаях просто подается как данность с рядом примеров. Виллеке особо подчеркивает, что Шестов не просто имел еврейское происхождение, но был именно еврейским мыслителем [34, р. 43]. Хотя, конечно, Шестов помещается здесь на стыке трех культур — русской, еврейской и европейской. Серьезность аргументации различна в разных местах работы. Интересно, что Виллеке часто пишет именно о «иудо-христианской традиции», а когда дело доходит до описания конкретных влияний на Шестова, то здесь явно доминируют нееврейские мыслители.

Философия отдельного мыслителя индивидуальна, но необходимость классификации ставит вопрос о принадлежности к чему-либо, к какому-либо направлению, течению, школе. Так Михаэль Финкенталь ставит вопрос, является ли Шестов философом-экзистенциалистом или религиозным мыслителем, привержен ли он переосмыслению иудаизма и христианской теологии или все это просто следует обозначить как иудео-христианскую традицию [21, р. 10]. Глава 8 [21, р. 115–128] носит заголовок «Encounters with Judaism». Ее текст не повторяет общеизвестного набора фактов, но говорит о том, что мало обсуждалось, в первую очередь о контактах с Бубером и о статьях Цейтлина (см. выше). Интересные замечания даются о переписке Гершома Шолема с Вальтером Беньямином о Шестове [21, р. 162]. Впрочем, далее Финкенталь предлагает читателю самостоятельно ответить на вопрос о еврейской составляющей в учении философа. В «Instead of Conclusion» («Вместо заключения»), в конце книги, даются отрывочные мысли о разных важных вещах, касающихся Шестова. Много здесь и высказываний о его еврействе [21, р. 163–165, 168–169], где не делается однозначных окончательных выводов, а лишь выделяются острота и важность проблемы.

В. Л. Курабцев защитил в 2006 г. диссертацию «Философия Льва Шестова в контексте европейской религиозно-философской традиции». В диссертации еврейская тема не является центральной, но автор здесь и там ее касается,

делая весьма весомой в работе в целом. Однако, как нам показалось, здесь нет какого-то цельного, системного подхода. Главным, кажется, является «сходство концепций». Но в случае иудаизма и каббалы трудно о них говорить. Ведь в иудаизме нет общепринятой догматики, а каббала — сложная и многообразная традиция, постоянно взаимодействовавшая с западной философией. В статье «“Дыхание Божие” (Лев Шестов и св. Писание)» Кубарцевым специально рассматривается отношение философа к иудаизму и христианству, использование философом этих традиций [8]. Работа интересна для понимания философии Шестова, но слаба в том, что касается иудаизма. Забавно, что основные тезисы об этой религии Кубарцев почерпнул у симпатизировавшего нацистам Ивана Александровича Ильина (1883–1954).

Ольга Табачникова посвятила проблеме специальную статью, которая, помимо основных аргументов, ценна и важными библиографическими ссылками. Собственно, здесь нет каких-то новых данных. Автор аккуратно, последовательно разбирает и комбинирует известную информацию, делает свои выводы, которые выходят за рамки обсуждения Шестова, но касаются вообще самосознания еврейской эмиграции из России после революции 1917 г. Впрочем, выводы о том, что его индивидуальная идентичность вмещает разные элементы, довольно предсказуемы [31].

Вопрос о еврействе Шестова специально обсуждает Ральф Кин [23]. Книга не посвящена целиком Шестову, а потому все сводится к короткому замечанию без тщательной аргументации. Кин утверждает, что «Шестов русский по темпераменту, последователь Кьеркегора по духу и хасид по религиозному мировоззрению». Далее уточняется — хасидизм проявляется в открытости мистическому опыту. Можно его найти еще и в образе над-рационального божества. Однако, добавим от себя, такое божество можно найти и в христианской протестантской теологии. Соображения автора не кажутся достаточно убедительными. Очевидно, Кин не находит у Шестова влияний иудаизма, но пытается истолковать идеи Шестова как иудейские, зная об этническом происхождении философа. Собственно, поиск отголосков хасидизма — не новая тема, о чем уже говорилось ранее.

В книге В. А. Апрелевой и Я. И. Ширманова [1] содержится много рассуждений о влиянии иудаизма на Шестова, но без анализа еврейских источников. Понятно, что тщательный разбор многовековой религиозной традиции в монографии, где тема не является ключевой, может быть чрезмерным, уводящим в сторону и не соответствующим основной проблематике. Но, впрочем, как можно говорить о влиянии иудейской концепции Бога на Шестова, если эта самая идея Бога в иудаизме ими не изучена?

Джоанна Новотный рассуждает о «еврейском восприятии» философии Кьеркегора. Смысл здесь, в первую очередь, в том, что Мартин Бубер и Лев Шестов философски переформулировали свою еврейскую идентичность, опираясь на труды датского мыслителя [27].

Еврейское истолкование Кьеркегора Шестовым является темой статьи Джорджа Паттисона. Окончательный его вывод состоит в том, что Шестов выходит за христианские рамки источника, имея иудейскую базу. В конце концов, впрочем, концепция Шестова получается не соответствующей ни исто-

рическому иудаизму, ни историческому христианству, однако улавливает что-то важное в самой сути обеих религий. Конечно, в основе разбора — беглое сравнение присущих этим религиям идей [28].

Следует упомянуть книгу Генриха Грузмана «Слезы мира и еврейская духовность». Это работа широко представлена в интернете, размещена на большом числе сайтов, но разыскать печатную версию нам не удалось. Текст не является исследованием, но содержит оригинальные философские идеи автора. Работа не представляет интереса в контексте строго академической дискуссии. Здесь, однако, много говорится и о Шестове. Это любопытно тем, что Лев Исаакович интересен Грузману именно в контексте еврейско-русской духовности, т. е. проблема приобретает глубинное, мировоззренческое истолкование.

Очень точно и емко вопросы поставлены в статье Джудит Дойч Корнблатт «Вечный Жид: Лев Шестов и русская религиозная жизнь» [10]. Автор сознательно выделяет — хотя и не говорит об этом однозначно прямо — три аспекта проблемы: 1) детские воспоминания; 2) Шестов и традиция еврейской философской мысли; 3) положение Шестова в обществе, связанное с его происхождением, и обусловленность этим некоторых его идей. Ее ответ на второй вопрос вполне ожидаем: «...можно ли причислить его <Шестова> к еврейским мыслителям? Ответ будет отрицательным, если иметь в виду традиционную еврейскую философию». Относительно детских воспоминаний Корнблатт приводит две ссылки на работу «На весах Иова», хотя и не указывает конкретный источник Шестова, опираясь на его собственные слова про «цитаты из одной мудрой древней книги» и на «это я уже не от Платона узнал». Также Корнблатт отмечает обращение Шестова к главной еврейской молитве «Шма» и на довольно спорную параллель с одним местом в каббалистической книге «Зогар».

Однако тексты Шестова демонстрируют слабое знакомство с еврейской религией, точнее, слабый к ней интерес, о чем уже говорилось ранее. Как замечает Бонецкая, «что же касается традиции иудаизма, к которой Шестов по роду принадлежал, то, насколько мы вправе об этом судить, явных следов ее в трудах Шестова просто нет. Шестов — человек западноевропейской, основанной в конечном счете на Вульгате, культуры» [3, с. 80]. Здесь необходимо сделать небольшое отступление и сказать несколько слов об авторе приводимой цитаты. Ведь рассуждения о влиянии иудаизма на Шестова нередко содержат ссылки на Бонецкую, в первую очередь на ее фразу: «Бог Шестова... есть не столько Божественная личность Ветхого Завета, сколько напоминает каббалистический Эн-Соф» [4, с. 129]. Однако в дальнейшем Бонецкая высказывается не столь уверенно: «Шестов, кажется, превращает библейского Бога в каббалистический Эн-Соф» [3, с. 83]. А сразу после этого следует уточнение: «При этом Шестов с Каббалой знаком не был» [3, с. 83].

Так или иначе, Лев Исаакович предпочитает оставаться в рамках русской или общеевропейской, преимущественно античной и христианской, интеллектуальной дискуссии. Любые столкновения с иудаизмом обнажают неуверенность философа в своих познаниях. Свидетельств тому много, они хорошо известны и описаны в названных выше трудах. Ограничимся лишь некоторыми немногочисленными примерами, дабы просто показать, о чем идет речь.

Из письма Адольфу Марковичу Лазареву (1873–1944), написанного 12 сентября 1934 г.:

Я писал Вам, что просто не знаю, были ли среди еврейских философов такие, которые считали откровение Библии источником истины, точнее, пытались мыслить по Библии. Вы больше меня читали книги на эту тему — Вам виднее [2, т. 2, с. 129–130].

В 1936 г. Шестов посетил с лекциями Израиль. Этому предшествовали долгие переговоры. Шестов подбирал еврейскую тему. Марк Ефимович Эйтингон (1881–1943) предложил Маймонида (ок. 1135–1204), которого проще всего было изучить человеку, не занимавшемуся специально иудаикой. Ведь этот мыслитель укоренен в философии Аристотеля и оказал большое влияние на христианскую мысль. Однако же Шестов реагирует по этому поводу:

Что же касается до Вашей идеи о том, что было бы хорошо, если бы я мог прочесть лекцию или лекции о Маймониде, то, бесспорно, вообще говоря, это была бы очень подходящая тема в виду того, что в этом году исполняется 800 лет со дня его рождения. Но — есть даже целых два «но», и одно увесистее другого. Первое — я Маймонида никогда не изучал, знаю его только из истории философии и знаю очень слабо, как и других еврейских и арабских философов средневековья [7, с. 180].

В конце концов Шестов читал лекции на далекие от иудаики темы, о Толстом, о Достоевском и о Кьеркегоре, на общефилософскую тему «Скованный Парменид».

Совершенная беспомощность при столкновении с еврейской тематикой видна и в брошюре «Мартин Бубер», где при обсуждении еврейской тематики автор опирается лишь на самого Бубера, Библию и Спинозу. Кроме того, текст пестрит опечатками, «Шехина» названа «Шехипой», «бааль» «балем» и т. п. Невозможно, конечно, понять, идет ли речь об ошибках из-за незнания темы или об опечатках. Но все же...

Что же Шестов в действительности мог знать об иудаизме? Библиографический список и изложение стандартного набора фактов можно продолжать. Но в данном случае это не столь уж и важно. Философ, если он не творит в узких конфессиональных рамках или не занимается специально узко национальными проблемами, является частью мировой философской традиции и выражает свои индивидуальные идеи, а вовсе не какие-то еврейские, русские, немецкие и т. п. Шестов сравнительно мало интересовался иудаизмом, иудейской традицией, а весьма скромный набор его открытых обращений к еврейскому легко выясняется и хорошо описан, о чем уже говорилось ранее. Основное, что позволяет считать Шестова еврейским философом, — это, вне всякого сомнения, его происхождение. И тут следовало бы задаться вопросом, оставили ли какой-то след в его творчестве поверхностные занятия ивритом, истории, которые он слышал дома, посещения синагоги? И именно этой проблемой, несмотря на всю ее очевидную перспективность, похоже, никто особо не занимался. Так, близкий к Шестову человек, женатый на одной из его сестер (Фаня), Герман Ловцкий (1871–1957), отметил:

Отец его <Шестова>, талантливый купец, был в то же время большим знатоком еврейской древней письменности, читал свободно древнееврейские книги, ходил в синагогу, но был тем, кого евреи называют «эпикойрес» — свободомыслящим... Шестов любил выслушивать из уст отца старинные легенды и поверья. Отец взял к детям, скорее по традиционной привычке, учителя древнееврейского языка, но Шестов впоследствии этот язык совершенно забыл [11; 2, т. 1, с. 3–4].

Много о влиянии еврейской патриархальной среды, семьи на личность Шестова сообщает в своих воспоминаниях и упомянутый ранее Аарон Штейнберг.

Именно поиск обрывков детских воспоминаний о древнееврейских книгах, о легендах и поверьях может указать на иудейскую составляющую в творчестве Шестова, а вовсе не фиксация явных сознательных цитат, ссылок, архетипов и сходства концепций. В свете приведенных выше фактов исследование явных и открыто декларируемых самим автором влияний может легко завести в тупик. Ведь аргументы в текстах подбираются для читателей, а сама концепция философа, который не творит в узких конфессиональных рамках, — очень индивидуальный, штучный продукт. Услышанные же в детстве истории и составляют то, в чем можно усмотреть основу позднейшего творчества — влияние религии, которой были привержены родители.

Отмеченная выше статья Корнблатт указала это любопытное направление исследований. Однако основание ее аргументации — ссылка Шестова на «необычный источник», который сам Шестов не называет. Кроме того, речь идет о довольно позднем тексте, «На весах Иова». Книга вышла из печати в 1929 г., т. е. после знакомства с Мартином Бубером в 1928-м. Это, конечно, важное свидетельство о влиянии иудаизма на Шестова, но оно не обязательно указывает на детские воспоминания.

Причина того, что остатки детских воспоминаний в текстах Шестова не были обнаружены, может скрываться в сложности поиска. На обрывки впечатлений сложно сослаться. Однако ситуация совсем не безнадежна. Укажем на одну фразу, которая могла происходить из детских воспоминаний, связанных с иудаизмом. В ранней книге «Апофеоз беспочвенности» (1905) философ делает следующее утверждение без всяких ссылок и указаний на источник, здесь это просто образное выражение, что придает этой фразе особую ценность — воспоминание в чистом виде, не измененное под влиянием личных философских поисков и книжного знания (1: 102):

Пока ребенок питался молоком матери, он всегда чувствовал себя ровно и легко. Когда же пришлось бросить молоко и начать пить водку, — а с возрастом это неизбежно: таков закон человеческий — младенческие сны наяву ушли в область невозвратного прошлого.

Эта фраза сильно напоминает распространенный в иудейской традиции образ, который переходит из одной книги в другую, мог быть услышан Шестовым в детстве, запечатлеться в его памяти. Сама традиция сопоставления молока и алкогольного напитка может восходить к Библии, к Пятикнижию и Пророкам. В еврейских классических источниках, конечно, главный алкогольный напиток — вино, а не водка. Но нет ничего удивительного в замене

одного другим, как нам кажется, в книге, написанной на русском языке для русскоязычного читателя.

В Быт. 49: 12 в благословении Иакова Иуде есть такая фраза: «Блестящи очи его от вина, и белы зубы от молока» (здесь и далее мы пользуемся Синодальным переводом Библии). Популярное и широко известное собрание мидрашей «Берешит раба» (написано где-то между 300 и 500 гг. н. э.) толкует это место соответствующим образом: «Вино для великовозрастного лучше, чем молоко для младенца» (или «вино взрослому — все равно, что молоко ребенку») [12, т. 2, с. 732]. В другом, более позднем сборнике мидрашей (окончательная редакция — кон. X в.) «Седер Элиягу Зута» можно найти следующее утверждение, которые мы перевели для этой статьи:

Посмотрит человек сам и узнает, что сказанное в Торе уподобляется вину и молоку. Ибо сказано: «Блестящи очи его от вина, и белы зубы от молока» (Берешит 49:12). Сказали: «Лучше вино парню, чем молоко ребенку» <ср. Мидраш Раба>. Как молоко возвращает ребенка, как вино радует старика» [37, р. 195].

Другой библейский источник — Пророки, Ис. 55: 1: «Жаждущие! Идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко». На это опирается Вавилонский Талмуд, трактат Таанит (7а), связывая обсуждаемый образ с учением:

И сказал раби Ошайя: «Почему уподоблены слова Торы трем напиткам, как вода, вино и молоко? Ибо написано: «Эй, всякий жаждущий, ступай к воде», и написано: «Идите, приобретайте и ешьте; и идите, приобретайте без денег и без платы вино и молоко». Как эти три напитка сохраняются лишь в самых ничтожных сосудах, так и слова Торы удерживаются лишь у того, кто скромно духом» [5, с. 62].

Из этих ключевых в иудаизме источников образ становится популярным и распространенным. Просто приведем один пример. Очень похожая фраза есть, например, в ключевом для иудейской догматике сочинении «Книга основ», кн. 3, гл. 14 рабби Йосефа Альбо (ок. 1380 — ок. 1444): «Ибо подходящее питание для ребенка — это молоко, для юноши — хлеб, мясо и вино» (перевод наш). Здесь речь идет о том, что заповеди со временем подвергаются незначительным корректировкам, т. к. развивается сознание человека, получающего божественные установления.

Фраза из повсеместно читаемого текста не могла остаться незамеченной. Приведем лишь один пример ее практически точного воспроизведения — Тобиас Кон (1652–1729) в книге «Маасе Тувия», гл. 3, среди рассуждений о том, может ли измениться Тора (перевод фразы автора этой статьи): «Например, подходящее питание для ребенка — это молоко, для юноши — хлеб, мясо и вино» [35, р. 8v.].

Список можно продолжать, но имеет ли это смысл? Шестов не оставил никаких намеков на непосредственный источник фразы. Между тем, речь идет о популярном в еврейской традиции образе. В нашем случае важно лишь то, что обсуждаемый здесь фрагмент из «Апофеоза беспочвенности» имеет очевидные многочисленные параллели в еврейской традиции.

Итак, предположение о влиянии на Шестова мидрашей, вероятно, отражает реальное положение вещей, хотя в прошлом являлось чисто интуитивным и не подкреплялось фактами. В самом деле, в «Апофеозе беспочвенности» (1905), книге, написанной до более или менее активного интеллектуального знакомства с иудаизмом, чтения Мартина Бубера, знакомства с ним, подготовки лекции о Рамбаме и других обстоятельствах, провоцировавших интерес Шестова к иудаизму в зрелом возрасте, есть фраза, которая напоминает часто встречающееся утверждение на иврите, в т. ч. и в мидрашах. Никаких особых смысловых нагрузок у такого обращения к иудаизму нет. Очевидно речь идет об использовании Шестовым привычного образа.

Невозможно сказать наверняка, где и когда Шестов мог слышать похожую фразу. Однако предположение, что в данном случае Шестов воспроизвел услышанный в детстве образ, кажется более чем вероятным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апрелева В. Я. Философия Льва Шестова как богоискательство. — Саарбрюккен: Sanktun, 2013.

2. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современникам: в 2 т. — Paris: La Presse Libre, 1983.

3. Бонецкая Н. К. Лев Шестов как богослов: Теология «великой и последней борьбы» // Вестник ПСТГУ. — 2014. — № 2 (52). — С. 78–97.

4. Бонецкая Н. К. Л. Шестов и Ф. Ницше // Вопросы философии. — 2008. — № 8. — С. 113–133.

5. Вавилонский Талмуд. Трактат Таанит / Комментированное издание раввина Адина Эвен-Израэль (Штейнзальца). — Иерусалим; М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, Израильский институт талмудических публикаций, 1998.

6. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. — Париж, 1950.

7. Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / сост. Владимир Хазан и Елена Ильина. — М.: Водолей, 2014.

8. Кубарцев В. Л. «Дыхание Божие» (Лев Шестов и св. Писание) // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Социология. — 2003. — Т. 16, № 1. — С. 53–62.

9. Кубарцев В. Л. Философия Льва Шестова в контексте европейской религиозно-философской традиции: дис. ... д-ра филос. наук: 20.10.2006 / Российский государственный гуманитарный университет. — М., 2006.

10. Корнблатт Д. Д. Вечный жид: Лев Шестов и русская религиозная мысль // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. — СПб., 1993. — С. 47–57.

11. Ловцкий Г. Лев Шестов по моим воспоминаниям // Грани. 1960. — № 45; 1961. — № 46. — URL: <http://www.vehi.net/shestov/lovcky.html>

12. Мидраш раба [Великий Мидраш]. Берешит раба: в 10 т. / пер. Якова Синичкина и Анны Членовой. — М.: Книжники, 2012–2014.

13. Паперный В. Лев Шестов и русская культура // Евреи в культуре русского зарубежья: сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе, 1919–1939 / под ред. М. Пархомовского. — Иерусалим: М. Пархомский, 1993. — Вып. 2. — С. 122–140.

14. Хазан В. Лев Шестов и Палестина: Материалы к биографии философа // Лехаим. — 2013. — № 10 (258). — URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/258/hazan.htm>.

15. Халтурин Ю. Л. Лев Шестов как еврейский философ // Сумма философии. — Екатеринбург, 2005. — Вып. 2. — С. 25–34.

16. Цейтлин, Г. Избранные труды / пер. Йёэля Реева и Эстер Яглом. — М.: Книжники, 2017.

17. Шестов, Л. Собр. соч.: в 6 т. — СПб.: Шиповник, 1911.

18. Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). — Париж: Синтаксис, 1991.

19. Штейнберг А. Литературный Архипелаг / вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. Н. Портновой и В. Хазана. — М.: Новое литературное обозрение, 2009.

20. Albo J. *Sefer ha-ikkarim*: 4 vols. in 5 / ed. by Isaak Husik. — Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1946.

21. Finkenthal M. *Lev Shestov: Existential Philosopher and Religious Thinker*. — New York: Peter Lang, 2010.

22. Horowitz B. The Tension of Athens and Jerusalem in the Philosophy of Lev Shestov // *The Slavic and East European Journal*. — 1999. — N43:1. — P. 156–173.

23. Keen R. *Exile and Restoration: An Essay in Interpretation*. — London; New York: Continuum, 2009.

24. Kokhav-Lev Y. *Between Science and Religion. The Philosophy of Lev Shestov: Master's thesis / The Hebrew University of Jerusalem*. — Jerusalem, 2005.

25. Lévinas E. Kierkegaard et la philosophie existentielle (*Vox clamantis in deserto*) // *Revue des Études Juives*. — 1937. — N52 (2) — P. 139–141.

26. Martin B. *Great 20th Century Jewish Philosophers*. — New York: Macmillan, 1970.

27. Nowotny J. “The Jewish Philosopher par excellence”: Shestov, Buber and the Jewish Reception of Kierkegaard // *Cahiers Leon Shestov*. — 2014. — N13–14. — P. 15–35.

28. Pattison G. *Vox Clamantis in Deserto: Shestov's Jewish Reading of Kierkegaard // Cahiers Leon Shestov*. — 2014. — N13–14. — P. 37–50.

29. Shestov L. *Chekhov and Other Essays*. — Michingan: University of Michigan Press, 1966.

30. Shestov L. *Penultimate Words and Other Essays*. — Freeport, N.Y.: Books for Libraries Press, 1966.

31. Tabachnikova O. *Russian Jews in Exile from Bolshevik Russia: the case of Lev Shestov as an Example of Russian-Jewish Existential Compromise // East European Jewish Affairs*. — 2008. — N38 (2). — P. 185–200.

32. *The Tragic Discourse: Shestov and Fondane's Existential Thought / ed. by Ramona Fotiade*. — Bern: Peter Lang, 2006.

33. Valevičius A. *Lev Shestov and His Times: Encounters with Brandes, Tolstoy, Dostoevsky, Chekhov, Ibsen, Nietzsche and Husserl*. — New York: Peter Lang, 1993.

34. Willeke M. *Lev Šestov: Unterwegs vom Nichts durch das Sein zur Fülle: Russisch-jüdische Wegmarken zu Philosophie und Religion*. — Berlin: Lit-Verlag, 2006.

35. 1715. וויניציא, — מעשה טוביה. ט, כהן, (первое изд. — 1707).

36. 1944. וויסלבסקי, צ. ערובי רשויות: מסות על אישים ותורות. — תל אביב: יבנה, 1944.

37. סדר אליהו רבה וסדר אליהו זושא: המובאים בשם תנא דבי אליהו עפ"י כת"י רומי משנת תתל"ג עם הוספת מאיר עין ומבוא כולל י"ב מאמרים / עורך מאיר פרידמן. — ווינא: אחיאסף, תרס"ב

38. 1975. שור, ד. זכרונות. — תל אביב: העבר, 1975.